

Это был первый раз, когда Тайфу пришлось кого-то утешать.

Впрочем, само «утешение» вышло на редкость небрежным: он просто послушно уселся в повозке и позволил Тоба Яньчи какое-то время обнимать и целовать себя.

Ощущение чужих губ на своих казалось ему до крайности странным. По коже то и дело пробегали мурашки, вызывая глухое оцепенение, так что он выдержал лишь недолго, прежде чем отстраниться. Яньчи, заметив его явную неприязнь к подобным нежностям, настаивать не стал.

— Я никогда не сравнивал его с тобой, — не удержался он от объяснений позже. — Если я и помянул его, то лишь потому, что подумал: раз он загнал тебя в такой угол, что тебе приходится защищаться подобными методами, значит, жизнь твоя была несладкой. Я просто... просто злился на собственную беспомощность. На самого себя злился.

Цзи Хуайчжэнь на миг замер. До него наконец дошло: в конечном счёте этот мальчишка всё ещё изнывал от жалости к Лу Шии.

Однако время для гнева уже ушло, и он больше не мог заставить себя злиться. Он лишь мерно покачивался в повозке, принимая заботу Яньчи и наслаждаясь всем тем, что по праву должно было принадлежать настоящему Лу Шии. В душе его поселилось странное, обманчивое торжество.

— Я заметил, что стоит нам заговорить о Цзи Хуайчжэне, как мы сразу ссоримся, — предложил Яньчи. — Давай впредь не будем его упоминать, хорошо?

Хуайчжэнь сухо усмехнулся и согласно кивнул.

Вместе они отправились на рынок, чтобы закупиться вещами на зиму.

На самом деле Тайфу вовсе не нужно было беспокоиться о таких мелочах. Он ехал для заключения мира по личному указу Его Величества, и на каждой остановке его пути разведчики и авангард должны были заранее всё подготавливать. Даже если бы чего-то не хватало, нашлось бы предостаточно желающих услужить ему.

Однако после событий последних дней он твёрдо решил сменить маршрут. Хуайчжэнь последовал совету Яньчи: двинуться через горы Цанъу, сделать крюк через Вэньян и уже оттуда выйти к Чилэчуань.

Он хотел своими глазами увидеть, какие ещё ловушки приготовил для него соперник.

«Бороться с небом, бороться с людьми... Но интереснее всего — бороться с таким противником, как Лу Ши»

У Яньчи был богатый опыт жизни в степях, поэтому он выбирал вещи, способные спасти жизнь в суровых горных лесах. Цзи же тайно велел своим людям закупать всё то же самое в двойном объёме и заранее доставлять припасы в ключевые точки по намеченному маршруту — на всякий случай.

Тем временем весть о поимке Лу Сяоцзя уже долетела до монастыря Цинъюань и Шанцзина. Из столицы новостей пока не было, что Хуайчжэнь не удивляло, а вот монастырь хранил молчание до тех пор, пока через несколько дней к ним не явился незванный гость. Судя по виду, паренёк сбежал из обители тайком от всех.

Едва ступив на галерею, он принялся выкрикивать проклятия, требуя, чтобы «пёс Лу» немедленно вернул его старшего брата Сяоцзя.

Хуайчжэнь выглянул наружу и увидел того самого мальчишку, что охранял горные ворота. Ему было от силы лет пятнадцать, молоко на губах не обсохло. Не успел он выкрикнуть и вторую угрозу, как Яньчи, даже не обернувшись, небрежно швырнул крышку от чайника прямо в открытую оконную щель.

Раздался вскрик, и вскоре юного даоса, связанного по рукам и ногам, бросили в ту же темницу, где томился Лу Сяоцзя.

Ещё через несколько дней наконец объявилась Бай Сюэ. Она принесла с собой половину переведённого указа и кое-какие сведения о прошлом пленника.

Поскольку иероглифы были перемешаны и розданы разным людям, перевод занял немало времени. Из того, что удалось собрать воедино, Хуайчжэнь смог подтвердить лишь имена, места и некоторые второстепенные детали.

Всё это он уже знал, но та самая ключевая фраза в середине, раскрывающая истинную цель поездки, всё ещё оставалась загадкой.

Похоже, придётся задержаться в Фэньчжоу ещё на пару дней.

— Господин, — докладывала Бай Сюэ, — Лу Сяоцзя — сирота. Его ещё ребёнком подобрал старый даос Лу. Когда старик скончался, мальчишка отправился в монастырь Цинъюань. Даос Цзэн поначалу не хотел его принимать, но Сяоцзя оказался невероятно одарённым. Наставник оставил его при себе, но согласился сделать лишь учеником внешнего круга.

— Выходит, этот Цзэн — всего лишь посредственность, а своей славой он обязан таланту ученика, — мгновенно смекнул Хуайчжэнь. Теперь стало ясно, почему тот тащил Сяоцзя с

собой даже в Шанцзин.

Он на мгновение задумался, когда его внимание привлёк резкий свист стрелы, вонзившейся в мишень за окном.

Во дворе стоял Яньчи. В его руках был длинный лук, тетива которого ещё продолжала вибрировать.

Заметив в последние дни, как юноша то и дело вертит на пальце подаренное кольцо лучника, Хуайчжэнь решил, что тот тоскует от безделья, и велел установить мишень прямо во дворе резиденции.

В отличие от столичных щёголей, Яньчи при стрельбе предпочитал закрывать глаза, вслушиваясь в шёпот ветра. Его физическая сила была поразительна: тяжёлый лук в четыре даня он натягивал с лёгкостью, превращая его в идеальный полный месяц.

А парень и впрямь был хорош собой. Высокие надбровные дуги, глубоко посаженные глаза — когда он не улыбался, от его ауры веяло холодом и властностью, способной запугать любого. Но стоило ему улыбнуться, как в глазах вспыхивал пленительный блеск, делая его донельзя послушным и милым. Даже если у Хуайчжэня и не было дурных мыслей, при виде такой улыбки ему всегда хотелось как-нибудь поддеть или обидеть его.

Сейчас Яньчи снова достал стрелу из колчана за спиной. Закрыв глаза, он слегка склонил голову, ловя дыхание ветра. Стоило ему разжать пальцы, как в миг, когда тетива сорвалась, а глаза распахнулись, в его облике проступила какая-то необузданная дикость.

Хуайчжэнь отрешённо отвернулся от окна.

— Из Шанцзина есть вести?

Бай Сюэ покачала головой:

— От Лу Ши — нет, а вот даос Чжан занервничал.

— Этот человек всё это время готовил для императора «эликсиры бессмертия». И хотя это были обычные общеукрепляющие снадобья, бесполезные по сути, каждое из них проходило через наших людей. Но в ту же ночь, когда до столицы дошёл слух о поимке Лу Сяоцзя, Чжан самовольно заменил один из ингредиентов в лекарстве Его Величества. Наши люди перехватили снадобье. Проверка показала, что в него подмешан медленно действующий яд. Через месяц приёма у государя случится кровоизлияние в мозг, и он скончается.

Бай Сюэ замолчала, ожидая ответа, но Хуайчжэнь безмолвствовал. Помощница подняла взгляд и увидела, что господин снова пристально наблюдает за Яньчи во дворе.

Тетива натягивалась и отпускалась с идеальной ритмичностью, стрелы одна за другой вонзались точно в центр мишени. Юноша не спешил, методично расходуя последние снаряды в колчане.

Спустя мгновение Хуайчжэнь потянулся, словно в его теле совсем не было костей. На его губах заиграла странная, пугающая улыбка.

— Ох уж этот Лу Ши... Вот, значит, какую ловушку он мне приготовил.

В его голосе сквозила леность, но в глазах горел острый ум и даже некое злобное восхищение — азарт игрока, которого раззадорил достойный противник.

— Мы все ошибались. Не было никакого тайного сговора за моей спиной. Этот даос Чжан с самого начала был человеком Лу Ши. Или не он, так был бы какой-нибудь даос Ли или Ван. Стоило мне только загореться идеей использовать тягу императора к бессмертию, как Лу Ши тут же начал расставлять свои фигуры. Он обвёл меня вокруг пальца, моими же руками доставив этого убийцу к самому ложу Его Величества. Если Чжан совершит покушение, тень неизбежно падёт на меня. Соперник наверняка уверен, что я и сам готовил для государя какой-нибудь яд... но как же он просчитался.

Бай Сюэ недоумённо посмотрела на него.

Хуайчжэнь стоял к ней спиной, и тень скрывала половину его лица. Голос его зазвучал зловеще и холодно:

— Мне вовсе не нужно, чтобы император умирал. Напротив, я хочу, чтобы он жил как можно дольше.

Ранее, раздувая пламя страсти государя к алхимии, Хуайчжэнь велел Чжану готовить снадобья, укрепляющие плоть и дух.

Весь двор — от принцев до придворных лекарей — пребывал в смертном ужасе. Никто не знал, на скольких несчастных испытывали эти таблетки, прежде чем дать их императору; все ждали от Тайфу коварного удара.

Но все они ошибались. Те лекарства действительно были превосходными тонизирующими средствами.

Забавно и то, что позже Хуайчжэнь узнал: все придворные лекари, проверявшие снадобья, были подкуплены. Семья Лу, первый принц, третий принц — все они поочерёдно передавали одно и то же: мастерство даоса Чжана выше всяких похвал, не стоит быть к нему слишком строгими при проверке.

Каждый из них метил на трон и надеялся, что даос сделает за них грязную работу.

Все они преследовали свои корыстные цели, и никто не мог предугадать, что именно Цзи Хуайчжэнь окажется тем единственным человеком, который всей душой желает императору прожить ещё хоть десяток лет.

Хотя бы до тех пор, пока их А Цюань не подрастёт. Пока он сам не сокрушит семью Лу.

— К чёрту все эти бредни про то, что нельзя требовать от судьбы невозможного, — пробормотал Хуайчжэнь. — Всё, что у меня есть сегодня, я вырвал у этой жизни зубами.

Он резко обернулся к Бай Сюэ:

— Сегодня ночью. Никого не оставлять в живых. Сожгите монастырь Цинъюань дотла.

Девушка лишь спокойно кивнула. Зная нравы своего господина, она понимала: то, что он не приказал пытаться их до смерти, уже было высшим проявлением милосердия.

— А как быть с даосом Лу?

Хуайчжэнь усмехнулся, и в его взгляде мелькнула злая ирония:

— Раз уж Лу Сяоцзя возомнил себя великим пророком и предрёк себе смерть через два года, то завтра на рассвете, когда огонь угаснет, приведите его к пепелищу родной обители и убейте. Пусть убедится, как он ошибался. Передай остальным: выступаем завтра же. Мы пойдём через Вэньян, все прежние маршруты аннулированы.

— А как же оставшаяся часть перевода? Господин не станет ждать?

— Больше не будем тратить время. Оставь одного человека, пусть заберёт перевод и догонит нас позже, — он холодно прищурился. — Если мы задержимся здесь ещё хоть на день, нас и впрямь застигнут врасплох, как черепах в колодце.

— Слушаюсь. Будет исполнено. Господин... раз уж мы выступаем завтра на рассвете, как быть с ним? Его мы берём с собой?

Голос Бай Сюэ стал тише. Хуайчжэнь долго не отвечал. Она подняла голову и увидела, что он снова смотрит на Яньчи.

Бай Сюэ невольно задалась вопросом: о чём думает господин в эти минуты тишины? Прикажет ли он избавиться от этого наивного юноши или всё же решит оставить его при себе?

Бывает ли так, что у злодеев дрогнет рука?

Во дворе Яньчи уже выпустил последнюю стрелу. Перекинув лук за спину, он стоял, разглядывая кольцо на пальце. Словно почувствовав на себе взгляд, он мгновенно обернулся.

Их глаза встретились, и Яньчи вдруг расплылся в широкой улыбке. Он замахал рукой Хуайчжаню и со всех ног бросился к нему.

Тайфу едва заметно нахмурился. Поправив одежду, он вышел ему навстречу и не успел сделать и пары шагов, как оказался в крепких объятиях. Яньчи был выше него, в плечах шире, и когда он обнимал его со всей силой, Хуайчжэнь казался совсем маленьким в его руках. Они стояли, прижавшись друг к другу так плотно, что не осталось и зазора. Юноша уткнулся лицом в изгиб шеи Хуайчжэня, вдыхая его запах, — казалось, одного этого было достаточно, чтобы сделать его самым счастливым человеком на свете.

Глядя на эту сцену, Бай Сюэ лишь тихо вздохнула.

Убить Яньчи или оставить? Забрать с собой или бросить здесь? Это решение должно было быть простым и логичным, но Хуайчжэнь всё медлил с приказом. Возможно, он и сам ещё не знал ответа.

<http://bllate.org/book/15318/1372933>